

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2025.3.10

Original article

ГИЗАТУЛЛИН Ирек Альфредович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
gizatullin-irek@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2108-690X>

GIZATULLIN Irek Alfredovich
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia

ПОНЯТНОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТТРИБУТ ИЛИ НЕОБХОДИМОЕ СВОЙСТВО?

THE CLARITY OF A COURT DECISION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: A LINGUISTIC
ATTRIBUTE OR A NECESSARY PROPERTY?

Аннотация. В исследованиях проблем качества судебного решения значительное внимание сосредоточено на вопросах его соответствия установленным требованиям – законности, обоснованности и справедливости. Необходимость наделения судебного решения другими внепроцессуальными свойствами обсуждается в науке гораздо реже. Тенденция к усложнению языка российского закона, пренебрежение правилами юридической техники в деловом письме и высокий спрос на автоматизацию процедуры составления актов правосудия формируют риск того, что содержания судебных решений перестанут быть понятны участникам процесса, в том числе профессиональной его части. Понятность судебного решения не является обязательным требованием УПК РФ, однако именно она определяет фактическую возможность дальнейшей его оценки на предмет соответствия нормативным критериям. Цель исследования: выявление негативных и позитивных языковых приемов, использованных в текстах судебных решений, влияющих на их смысловую доступность. На основе специальной литературы анализировались стили и язык юридического письма; эмпирическим путем устанавливались позитивные и негативные практики составления судебных решений; полученные результаты синтезировались в промежуточные и итоговые выводы. Результаты: показаны нетипичные для судебных актов языковые стили и приемы – как украшающие слог судьи и усиливающие аргументацию его доводов, так и искажающие смысл правосудия; продемонстрировано заметное повышение воспринимаемости смысла судебных решений в случае визуального структурирования текста и исключения из него необязательных цитат нормативных правовых актов; доказано, что

Abstract. In research on the quality of a court decision, considerable attention is focused on the issues of its compliance with established requirements – legality, validity and fairness. The need to endow a court decision with other non-procedural properties is discussed much less frequently in science. The tendency to complicate the language of the Russian law, disregard for the rules of legal technique in business writing and high demand for automation of the procedure of drafting justice acts form the risk that court decisions will no longer be understood by participants of the process, including its professional part. The clarity of a court decision is not a mandatory requirement of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, however, it determines the actual possibility of its further assessment for compliance with regulatory criteria. The purpose of the study is to identify negative and positive linguistic techniques used in the texts of court decisions that affect their semantic accessibility. Based on the specialized literature, the article analyzes styles and language of legal writing; it empirically establishes positive and negative practices of drafting court decisions; the results are synthesized into interim and final conclusions. Results: the article shows language styles and techniques that are not typical for judicial acts, both decorating the judge's style and strengthening the argumentation of his arguments, and distorting the meaning of justice. A noticeable increase in the perception of the meaning of judicial decisions is shown when excluding unnecessary quotes from legal acts and visually structuring the text. It is proven that the abuse of clichéd formulations, copying fragments of other procedural documents and a template

злоупотребление клишированными формулировками, копирование фрагментов других процессуальных документов и шаблонное изложение позиции не только снижают понятность решения, но и наносят вред интересам сторон и правосудия.

Ключевые слова: понятность судебного решения, язык судебного решения, мотивирование позиции, описательная часть, мотивировочная часть, структурированность судебного решения

Для цитирования: Гизатуллин И.А. Понятность судебного решения в уголовном судопроизводстве: лингвистический атрибут или необходимое свойство? / И.А. Гизатуллин. – DOI 10.33184/pravgos-2025.3.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 85–93.

presentation of the position not only reduce the clarity of the decision, but also harm the interests of the parties and justice.

Keywords: clarity of a court decision, language of a court decision, justification of a position, descriptive part, reasoning part, structuring of a court decision

For citation: Gizatullin I.A. The Clarity of a Court Decision in Criminal Proceedings: A Linguistic Attribute or a Necessary Property? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 3, pp. 85–93. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.3.10.

ВВЕДЕНИЕ

Важным условием доступности правосудия выступает качество содержания судебного акта, которое в процессуальном контексте принято сводить лишь к соответствию приговора или другого итогового решения законности, обоснованности и справедливости. Между тем понятность текста решения в юридической доктрине зачастую остается в тени этих нормативных требований, являясь в лучшем случае предметом узких исследований на стыке права и лингвистики. В действительности же объективная сложность восприятия того, что написано в тексте решения, не может рассматриваться как сугубо личная проблема участников уголовного судопроизводства, лежащая вне зоны интересов правосудия, которое осуществляется для них и ради них. Низкая смысловая доступность текста, отсутствие системности его изложения и прочие негативные языковые приемы способны стать препятствием для оценки судебного решения с точки зрения законности, мотивированности и обоснованности. В этом смысле понятность любого акта правосудия даже первична по отношению к другим нормативно установленным требованиям. В некоторой степени процессуальное поведение сторон, следующее за вынесением судебного решения (например, в части выбора между его обжалованием или молчаливым принятием), тоже зависит от того, насколько понятны и убедительны выводы

суда. Лингвистическая безупречность текста, разумеется, сама по себе не исключает потенциального пересмотра или даже отмены решения, но является атрибутом, существенно усложняющим попытки опровержения содержащихся в нем доводов, а для проверочных инстанций – маркером профессионализма и качества работы судьи.

И.Я. Фойницкий на рубеже XX в. писал, что убеждение судьи должно формироваться «при условиях и в порядке, которым обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению» [1, с. 218]. Данное замечание было сделано исключительно в контексте размежевания усмотрения судьи от произвола, однако в широком смысле его следует оценивать еще и как особое требование к способу изложения судебской позиции, прямо не вытекающее из формальных уголовно-процессуальных предписаний¹. Другими словами, при составлении судебного решения недостаточно лишь реализовать право на выбор конкретной правовой позиции, ориентируясь при этом на возможное ознакомление с ним вышестоящей инстанцией в будущем. Необходимо обеспечить его понимание решением теми, в чьих интересах это принимается.

Парадоксальность ситуации, когда соответствие судебного акта необходимым уго-

¹ Напомним, что, к примеру, в отличие от УПК РФ в Арбитражном процессуальном кодексе 2002 г. специально оговорено требование о понятности языка, на котором излагается судебное решение (ч. 2 ст. 169).

ловно-процессуальным требованиям не гарантирует его ясности, может объясняться не только причинами субъективного характера. В последнее десятилетие отмечается тенденция к существенному усложнению слога отечественного законодателя и органов официального толкования, фрагменты актов которых в результате попадают в решения судов [2]. Причина, как считают специалисты, кроется не только в изменении или разрастании общественных отношений (что потенциально также оказывает влияние), но прежде всего в трансформации языковых практик: увеличении объема абзацев, количества придаточных частей и оборотов, длины самих предложений и т. п. Глубина и масштаб проблемы позволяют выдвинуть вполне доказуемую гипотезу, что в настоящее время «...гражданам и организациям российского происхождения тоже нужен "переводчик" – с русского юридического на русский повседневный...» [3].

Для любого специалиста в области языковедения способы противостояния этим явлениям, пожалуй, предельно понятны – практиковать принцип максимального упрощения юридических текстов, чтобы сделать их более простыми и доступными для населения. Однако у профессионального юриста такой подход рано или поздно вызовет логичный вопрос: каковы допустимые пределы такого упрощения и негативные последствия? Так, не составляет труда возразить, что в условиях крайней специфичности сферы юриспруденции, наличия особого категориально-понятийного аппарата за каждой адаптацией юридического языка на повседневный стоит угроза утраты информативности, определенности и особенности судебного решения как публичного акта. Поэтому исследование данных вопросов лишь с позиции лингвистики часто приводит к дискуссиям о том, что важнее: незатейливо изложенная позиция суда, понятная любому обывателю, или формализованный и терминологически чистый текст (громоздкий и с большим количеством ссылок), воспринимать который способны лишь профессиональные участники судебного процесса.

Признавая важность каждой из этих ценностей и пытаясь найти их гармоничное сочетание, сосредоточим внимание на позитивных и негативных примерах формулировки решений, распространенных в отечественном правосудии.

СТИЛЬ ТЕКСТОВ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Специалисты в области языковедения и представители юридической науки в целом едины в определении стиля судебного решения как официально-делового [4; 5]. Восприятие любого решения суда как правоприменительного акта, исходящего от имени государства, накладывает обязанность использовать типичные для данного стиля речевые средства, придерживаться стройности текста и логической последовательности изложения позиции по делу. Тот факт, что «по степени жесткости действия официально-текстовых норм судебное решение относится к документам, построенным по образцу-модели», в которой «...стандартизирован набор содержательных элементов (реквизитов), а также их последовательность» [5, с. 14], в итоге позволяет универсализировать способ составления большинства судебных актов.

В идеале текст судебного решения является продуктом мыслительного процесса, а не формируется по готовым лекалам, что потенциально дает возможность применять присущие судье творческие навыки и способности. К практике использования нетипичных стилистических приемов следует относиться положительно, если это вызвано стремлением усилить аргументацию, а не уклониться от нее. Позитивным примером такого подхода, украшающим акты отечественного правосудия, следует считать употребление латинских выражений. Несмотря на непривычность для российского судебного менталитета такой практики, которая более специфична для американского правосудия [6, с. 208], в действительности таких решений довольно много. Более того, результаты их изучения демонстрируют впечатляющий диапазон используемых судами формул: от общеизвестных *de facto*² или *non bis in idem*³ до вполне сложных конструкций типа *lex specialis derogat generali*⁴

2 Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 19.11.2024 № 55-444/2024 (источники, для которых далее не указаны выходные сведения, опубликованы в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс»).

3 Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 № 77-3563/2022; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2022 № 77-2924/2022.

4 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2024 по делу № 88-4426/2024, 2-20/2023.

или *ignorantia juris neminem excusat*⁵. При этом ценность таких приемов не следует сводить лишь к факту их наличия, то есть к одной лишь демонстрации особых интеллектуальных способностей судьи, превращенной в самоцель, как можно подумать. Главное, что в таких решениях после упоминания античного постулата следует его подробная интерпретация, обоснование применимости к анализируемым юридическим фактам.

В некоторых ситуациях без использования этого инструмента вообще невозможно разумно объяснить причины принятия судом одних доводов и отклонения других. Например, порядок разрешения конкуренции норм не всегда предусмотрен источниками позитивного права, в большинстве случаев суды руководствуются положениями доктрины в том числе античного права, столь фундаментальными и долговечными, что приняли квазинормативный характер. Так, известный любому юристу еще со студенческой скамьи приоритет специальной нормы перед общей, сформулированный на латыни как принцип *lex specialis derogat legi generali*, воспринимается нами как нечто а priori, однако непрофессиональному участнику по объективным причинам он неизвестен. Никаким другим путем, кроме как апеллированием к указанному принципу, дать разумные объяснения предпочтительности применения статьи, скажем, регламентирующей специальный состав преступления, а не общий (на которую рассчитывала одна из сторон), скорее всего, не удастся⁶.

Примером нежелательных стилевых решений является использование в тексте судебного акта фигур речи, эмоциональных речевых конструкций, отражающих личное отношение судьи к обстоятельствам дела⁷. Так,

5 Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 27.05.2024 по делу № 33-18571/2024.

6 Здесь следует отметить, что данное правило фрагментарно встречается в актах официального толкования, например, в решениях Конституционного Суда РФ (см., например: О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2023 года № 60-П по ходатайству гражданина С.В. Филатова: определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2024 № 1755-О-Р // Российская газета. 2024. 26 июля). Однако положения в таких актах носят локальный характер, то есть раскрывают смысл лишь отдельных норм, что формально не позволяет распространить их действие на целую отрасль или систему права.

7 При этом использование художественных лингвистических приемов вовсе не чуждо текстам судебных решений, в том числе и в странах с континентальным уголовным процессом. См.: [7].

в ходе пересмотра Первым кассационным судом общей юрисдикции апелляционного приговора государственный обвинитель указал, что суд «...при изложении своей позиции использовал языковые средства и литературные приемы, не принятые в деловом обороте...» и что «...оценка выводов суда первой инстанции носит саркастический характер, подчеркивающий сомнения в профессионализме судьи...»⁸. Было установлено, что в приговоре апелляционная инстанция назвала «...суждения суда первой инстанции... вздорными, а собранные доказательства ненадежными», в связи с чем кассационный суд пришел к выводу о недопустимости использования данного критерия оценки доказательств⁹. Кроме того, применение данных стилистических приемов искажает суть правосудия и смысл судебного решения.

Характерным признаком официально-делового стиля в целом и судебной речи в частности является использование клишированных конструкций. Основная проблема здесь кроется в возможном соблазне использовать клише в качестве основного средства мотивирования позиции, когда судебный акт фактически составляется из различных кусков универсальных по смыслу речевых оборотов, создавая тем самым имитацию работы с материалами дела и оценки обстоятельств [8]. В результате содержание разных решений судов по приблизительно одинаковым обстоятельствам уголовного дела отличается разве что персональными данными участников процесса. Не всегда такая практика связана с сознательным отказом в правосудии. Есть подозрение, что насыщение текста стандартными формулировками взамен придания ему оригинальности и индивидуальности (неготовность к уникализации текста) может рассматриваться статистически выгодным, поскольку такое изложение способно привлечь меньше внимания проверочных инстанций, а значит снизить вероятность отмены решения. Опровергнуть доводы, заключенные в такие формулировки, также оказывается куда сложнее.

Вместе с тем явно негативной, радикальной формой использования заранее подготовленных речевых конструкций выступа-

8 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 № 77-4282/2023 (УИД 31RS0020-01-2022-003172-96).

9 Там же.

ет так называемый феномен копипаста или флеш-правосудия – копирование не просто общеупотребительных универсальных выражений (клише), а крупных фрагментов из материалов уголовного дела. Приведем несколько примеров.

Апелляционный суд отменил приговор Орджоникидзевского районного суда города Уфы от 22 декабря 2015 г. в отношении Щ. по причине существенных нарушений требований уголовно-процессуального закона. Суд первой инстанции при изложении показаний свидетелей и письменных доказательств фактически скопировал обвинительное заключение, сохранив стиль, знаки препинания и ошибки, допущенные следователем. Содержание показаний свидетелей Г., Б., Я., С., Л. и Т., допрошенных в судебном заседании, совпадает с их показаниями, отраженными в обвинительном заключении, без учета ответов на вопросы, заданные в ходе судебного разбирательства. Кроме того, в приговоре имеются ссылки на листы дела после показаний свидетелей Г. и Т., хотя их показания судом не оглашались. При этом показания свидетеля Г. отличаются от зафиксированных в протоколе судебного заседания¹⁰.

Принятие в 2016 г. профильного постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором установлен прямой запрет «на перенесение в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства»¹¹, не избавило судебную практику от подобных нарушений.

По другому уголовному делу Верховный Суд Республики Башкортостан в ходе пересмотра приговора установил, что он «по существу и в значительной своей части является копией обвинительного заключения». В частности, полностью скопированы протоколы осмотров предметов, ссылки на заключения экспертов, протоколы следственных действий, таблицы и иные доказательства, о чем свидетельствует тот факт, что суд изложил их содержание

в редакции, предложенной следователем в обвинительном заключении¹².

В настоящее время подобные нарушения в практике высших инстанций оцениваются не только в качестве основания для отмены решений, но и применения дисциплинарных взысканий в виде лишения полномочий судьи¹³.

ОБЪЕМ И СТРУКТУРИРОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Большой объем содержания судебных решений рассматривается как еще одна проблема их доступности [3], однако надо понимать, что данный факт зачастую объективно обусловлен. Требования уголовно-процессуального закона и вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ предопределяют невозможность произвольного упрощения текста или исключения обязательных элементов, например, кажущегося довольно монотонным перечисления доказательств с последующей оценкой каждого.

Тем не менее существует склонность к полному цитированию статей закона, когда относящееся к комментируемому обстоятельству правило заключено лишь в отдельную его часть (пункт) или даже одно предложение. Сказанное в равной мере относится и к практике ссылаться на нормы общего характера, декларированные в качестве конституционных принципов¹⁴, при условии, что их содержание конкретизировано в отраслевом законодательстве. Таковой, например, является внешне безобидная привычка приводить в тексте решения положения ч. 1 и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ о гласности и состязательности судопроизводства с последующей ссылкой на ст. 15 и 241 УПК РФ, по сути, дублирующие эти же требования¹⁵.

¹² Архив Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан. Постановление суда кассационной инстанции от 26.06.2019 по уголовному делу № 44у-83/19.

¹³ См., например: Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 21.05.2018 № ДК18-20.

¹⁴ Заметим, что возможность прямого применения норм Конституции РФ судами общей юрисдикции в целом является дискуссионным. См. об этом подробнее: [9].

¹⁵ Приговор Кемеровского областного суда от 06.12.2023 по делу № 2-24/2023 (УИД 420S0000-01-2023-000217-87); Приговор Верховного Суда Республики Марий Эл от 13.01.2020 по делу № 2-2/2020, 2-5/2019 (УИД 120S0000-01-2019-000125-79).

¹⁰ Архив Орджоникидзевского районного суда г. Уфы. Апелляционное постановление от 22.12.2015 по уголовному делу № 22-4583/2016.

¹¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55, п. 8 // Российская газета. 2016. 7 дек.

В условиях ограниченной свободы сокращения содержания судебного решения должны применяться приемы, облегчающие восприятие текста, в частности визуального и смыслового обособления его структурных частей. В судебных актах вводная и резолютивная части, как правило, четко идентифицируются, поскольку содержат стандартные реквизиты (ч. 1 ст. 303 УПК РФ). Описательно-мотивировочная часть, как самая объемная, нередко нуждается в дополнительном дроблении. Если способ описания обстоятельств совершенного преступления или доводов сторон не отличается от способа изложения результатов их оценки самим судом, то может возникнуть ощущение непоследовательности текста. Ситуация более характерна для решений судов проверочных инстанций. Так, в одном из апелляционных постановлений суд прибегнул к обособленному описанию сути рассматриваемого дела, по всей видимости, путем перенесения исходного варианта текста доводов сторон, изложенных в жалобах, в результате чего каждое новое предложение начиналось с таких формулировок: «Судом не учтено, что к уголовной ответственности Р. привлекается впервые», «Судом не установлено ни одного из необходимых оснований...», «При изменении территориальной подсудности судом не учтена...» и т. п.¹⁶ Учитывая, что в последующем суд изложил свою позицию также от третьего лица, непросто понять, о чьей оценке – стороны по делу или своей – идет речь в той или иной части судебного решения.

Иногда для обособления используется переходное предложение, означающее момент окончания описательной части и начала мотивировочной. В таком случае суд, как правило, приводит содержание нормы УПК РФ, предусматривающее основания для отмены (изменения) обжалуемого решения, с последующим дополнением универсальной фразой «...такие нарушения судом допущены/не допущены»¹⁷.

¹⁶ Апелляционное постановление Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 23.08.2023 по делу № 55-598/2023.

¹⁷ См., например: Апелляционное постановление Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 16.08.2023 № 55-1175/2023 ; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2025 № 77-691/2025 ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.09.2024 № 77-3303/2024.

Пожалуй, самый удачный подход к структуризации содержания судебных актов демонстрирует Конституционный Суд РФ. Безусловно, постановления данного судебного органа считаются одними из самых сложных для восприятия [3], однако известная практика нумеровать обособленные по смыслу положения, придерживаясь при этом условной схемы «существо жалобы → вопросы факта → вопросы права» хотя и незначительно, но все же положительно влияет на визуальное удобство.

Таким образом, для обеспечения понятности судебных решений есть необходимость в разработке на внутриведомственном уровне требований к использованию унифицированных структурных элементов (подзаголовков) при составлении текста.

ФОРМУЛИРОВКИ МОТИВОВ ПРИНЯТОГО РЕШЕНИЯ

Формы отказа от составления уникального текста судебного решения бывают разными. Уже рассмотренные примеры злоупотребления клишированными формулировками или копирования фрагментов из других процессуальных актов скорее просто более заметны. Вместе с тем есть определенные приемы изложения позиции, которые хоть и не имеют внешнего сходства с копипастом, но способны нанести столь же значительный ущерб интересам сторон и правосудию. В литературе их принято называть «суррогатами мотивировки» [10, с. 57], ввиду того что они связаны с имитацией выполнения соответствующей функции судом.

Обратимся к примерам.

Как известно, в ходе пересмотра судебных решений и при оценке доводов сторон о несогласии с состоявшимся решением в части вопросов факта судам приходится апеллировать к различным доказательствам, подтверждая или, напротив, опровергая их достоверность и допустимость. Здесь вместо изложения в тексте судебного решения процедуры повторной оценки доказательств и сопоставления оказывается возможной простая констатация самого факта об их соответствии всем необходимым требованиям с последующим перечислением доказательств. Этому, как правило, предшествует универсальная формулировка

типа: «Вопреки доводам апелляционных жалоб, выводы суда о совершении осужденным указанных преступлений подтверждаются приведенными в приговоре доказательствами, правильность которых сомнений у суда апелляционной инстанции не вызывает»¹⁸. Никакой новой информации, индивидуальной оценки и без того известных сторонам доказательств или убедительного опровержения их доводов правосудие не демонстрирует.

Не менее элементарным и знакомым российским практикующим юристам приемом мотивирования является отклонение сомнений распространенной фразой: «не доверять его показаниям оснований не имелось»¹⁹ (разумеется, возможны разные синтаксические вариации, не меняющие общего смысла). Вместо ожидаемого и надлежащего в такой ситуации сопоставления показаний с другими доказательствами или, например, повторного вызова на допрос данного участника используется стандартизированная формулировка, которая участниками процесса может расцениваться как «отписочная». Правда, некая пассивность суда в той части является следствием проблем в самих процедурах проверки судебных решений в порядке апелляции и кассации, но это предмет отдельных дискуссий.

Разумеется, у нас не может быть оснований сомневаться в правосудности анализируемых решений, ключевая задача заключается лишь в демонстрации таких способов изложения позиции, при которых риск возникновения разумных сомнений у сторон потенциально выше.

Отсутствие должной убедительности мотивов суда видится также в практике абстрагированных обращений к общим процессуальным принципам при оценке, например, нарушений, допущенных на прежних этапах производства по делу. Отсутствие в таком случае какой-либо конкретизации (какие правила не были соблюдены, какие последствия наступили и т. д.) приводит к неинформативности суждения. Сами же принципы уголовного процесса, особенно доктринального по-

рядка (например, справедливости судебного разбирательства), в силу своей правовой неопределенности работают как универсальное средство аргументации, то есть способное потенциально подкрепить любую позицию по любому вопросу.

Приведем типичную для описанной ситуации выдержку из решения суда кассационной инстанции, интересную еще и в связи с непризнанием копирования решения существенным нарушением: «Что же касается заявления осужденной о копировании текста обвинительного заключения при постановлении приговора, то данное обстоятельство, само по себе, не относится к числу нарушений, перечисленных в пп. 2, 8, 10, 11 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, поскольку не лишило участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство, не повлияло на полноту установленных судом фактических обстоятельств дела и юридическую оценку содеянному ФИО1, данную судами первой и апелляционной инстанции»²⁰.

Обратимся к прямо противоположной, то есть образцовой, практике оценки доводов сторон и повторного исследования доказательств. Верховный Суд РФ, отменяя решения судов апелляционной и кассационной инстанций, которыми медицинский работник Б. признана виновной в причинении смерти по неосторожности с использованием служебного положения, по сути, отверг допустимость обозначенных ранее негативных практик. Так, в ходе непосредственного сопоставительного исследования методик и выводов разных экспертных заключений, представленных в уголовном деле, Верховный Суд РФ сделал вывод: «Оценивая данное заключение экспертов, суд апелляционной инстанции ограничился указанием в постановлении, что не имеется оснований не доверять ему»²¹, опровергнув тем самым убедительность позиции суда нижестоящей инстанции. Или далее, сравнивая экспертные заключения и показания специалистов, Верховный Суд указал, что «...вывод суда апелляционной инстанции *об отсутствии*

18 См., например: Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 по делу № 55-581/2023.

19 См., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.02.2024 № 45-УД24-3-А2 ; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.07.2024 № 45-УД24-26-К7.

20 Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.08.2023 № 77-2383/2023.

21 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.07.2022 № 12-УДП22-4-К6.

оснований не доверять (курсив наш. – И. Г.) заключению экспертов № 209 от 29 августа 2019 года является преждевременным, нуждается в дополнительной проверке и оценке»²². Вместо изложения формальных комментариев относительно результатов оценки экспертных заключений, которые в судебной практике достаточно легко принимаются на веру, в данном решении демонстрируется должная процессуальная активность суда в использовании всего арсенала процедурных механизмов проверки подобных доказательств, а также убедительность принятия итогового решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятность как необходимое качество любого официального документа, исходящего от имени государства и носящего публичный характер, применительно к актам правосудия имеет комплексное содержание. В классиче-

²² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.07.2022 № 12-УДП22-4-К6.

ском, то есть лингвистическом, понимании она ограничивается следованием стройности изложения и доступности языковых приемов. В процессуальном ключе обеспечение понятности судебного решения требует от суда логичного и убедительного обоснования собственных выводов, при котором исключается использование шаблонных формулировок, не демонстрирующих уникального интеллектуального анализа материалов по делу.

Официально-деловой стиль судебного решения, а также некоторые уголовно-процессуальные требования в существенной мере стандартизируют его содержание, что, однако, не исключает возможность творческого неординарного формулирования судебской позиции. Значительно улучшить воспринимаемость текста можно путем исключения необязательного цитирования содержания статей закона или общих конституционных норм, нашедших отражение в специальных уголовно-процессуальных предписаниях, а также методом структурирования текста с выделением ключевых элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. им. М.М. Стасюлевича, 1899. – 607 с.
2. Кнутов А.В. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? / А.В. Кнутов, А.В. Чаплинский, Д.Р. Алимпеов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 399–426.
3. Чаплинский А.В. Понятность языка правосудия: опыт эмпирического исследования содержания и синтаксиса судебных решений / А.В. Чаплинский, А.В. Кнутов, Д.Р. Алимпеов // Закон. – 2024. – № 2. – URL: consultant.ru (дата обращения: 29.05.2025).
4. Босов А. Дискурсивный анализ языка судебного решения по уголовному делу: сущность и перспективы / А. Босов // Уголовное право. – 2009. – № 1. – С. 66–71.
5. Катышев П.А. Вариативность языковой нормы в текстах официально-делового стиля / П.А. Катышев, С.В. Оленев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 1. – С. 12–17.
6. Мкртчян С.М. Юридический язык российских и американских судебных решений: попытка сопоставительного анализа / С.М. Мкртчян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2012. – № 10. – С. 208–209.

REFERENCES

1. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Proceedings. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1899. Vol. 2. 607 p.
2. Knutov A.V., Chaplinsky A.V., Alimpeev D.R. The Language of Regulatory Legal Acts: Is It Time to Sound the Alarm? *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2022, no. 3, pp. 399–426. (In Russian).
3. Chaplinskiy A.V., Knutov A.V., Alimpeev D.R. The Comprehensibility of Judicial Language: An Empirical Study of the Content and Syntax of Judicial Decisions. *Statute*, 2024, no. 2. Available at: consultant.ru.
4. Bosov A. Discursive Analysis of the Language of a Court Decision in a Criminal Case: Essence and Prospects. *Criminal Law*, 2009, no. 1, pp. 66–71. (In Russian).
5. Katyshev P.A., Olenov S.V. Variability of Language Norm in Official Style Texts. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2012, no. 1, pp. 12–17. (In Russian).
6. Mkrtchyan S.M. Legal Language of Russian and American Court Decisions: An Attempt at a Comparative Analysis. *Bulletin of Volgograd State University. Series 9: Research by Young Scientists*, 2012, no. 10, pp. 208–209. (In Russian).
7. Petryanina O.V., Revina E.V. The Functioning of Phraseological Units in Texts of Court Decisions in Criminal Cases (On the Material of the German Language). *Philology. Theory & Practice*, 2024, no. 3, pp. 768–774. (In Russian).

7. Петрянина О.В. Функционирование фразеологических единиц в текстах судебных решений по уголовным делам (на материале немецкого языка) / О.В. Петрянина, Е.В. Ревина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – № 3. – С. 768–774.

8. Султанов А.Р. О негативных последствиях использования «клише» для судебных актов / А.Р. Султанов // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 3 (68). – С. 80–87.

9. Головки Л.В. Конституционализация уголовного судопроизводства и ее допустимые пределы / Л.В. Головки // Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2021 г. / под ред. К.Б. Калиновского. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. – С. 31–39.

10. Никонов М.А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Никонов. – Москва, 2014. – 272 с.

8. Sultanov A.R. About the Negative Consequences of Using “Clichés” for Judicial Acts. *Eurasian Advocacy*, 2024, no. 3 (68), pp. 80–87. (In Russian).

9. Golovko L.V. Constitutionalization of Criminal Proceedings and Its Permissible Limits. In Kalinovsky K.B. (Ed.). *Constitutionalization of Criminal Proceedings (For the 30th Anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation). Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, October 30, 2021*. Saint Petersburg, Center for Scientific and Information Technologies “Asterion” Publ., 2022, pp. 31–39. (In Russian).

10. Nikonov M.A. Judicial Discretion: Criminal Procedural Aspects. *Cand. Diss.* Moscow, 2014. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gizatullin Irek Alfredovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 12.07.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 18.08.2025. The article was submitted 12.07.2025; approved after reviewing 18.08.2025; accepted for publication 18.08.2025.